

Глава 47. Трудности женитьбы. Часть вторая

— Ха-ха-ха! И то верно! Одежку-то менять можно хоть каждый день, да только кто ж по доброй воле без рук да без ног остаться захочет?

Хунъянь весело рассмеялась. Су Линцзюнь не стал с ней спорить. Он просто выложил на стол тугой кошель с монетами и негромко произнёс:

— Как бы там ни было, дело сделано. Думаю, теперь он поостережётся связываться с первой встречной. Вот твоя доля.

Хунъянь ловко сгребла золото и лукаво прищурилась:

— Поостережётся, говоришь?.. Ха-ха, а ну как он в следующий раз влюбится по-настоящему? Опять палки в колёса вставлять полезешь? Чур, меня в это больше не впутывать. Я ещё трижды подумаю, соглашаться ли. Грех это — чужое счастье рушить, карму портить не хочется. Мальчишка-то ведь со всей душой к делу подошёл, мне аж самой совестно стало.

— Хватит болтать. Забирай золото и проваливай, — буркнул Су Линцзюнь.

— Какой ты скучный! Ладно, бывай. Будет дельце — зови.

Хунъянь небрежно махнула рукой и, покачивая бёдрами, вышла из чайного дома.

Оставшись один, Су Линцзюнь молча пил чай, то и дело тяжело вздыхая и погружаясь в свои мысли. Он настолько ушёл в себя, что даже не заметил, как дверь распахнулась. Опомнился он лишь тогда, когда в челюсть ему прилетел увесистый кулак. Мир перед глазами мгновенно поплыл.

— Лянь Уцзю?.. — Су Линцзюнь схватился за ноющую щёку, ошеломлённо уставившись на гостя.

Впрочем, его удивление было напускным. Достаточно было одного взгляда на побагровевшее от ярости лицо лекаря, чтобы понять: тайна раскрыта.

Лянь Уцзю буквально трясло. Он испытывал дикую смесь жгучей обиды от того, что его выставили полным дураком, и ярости на человека, которому безгранично доверял. Если бы он случайно не подслушал этот разговор, так и оставался бы в неведении, послушно пляша под чужую дудку.

— За что ты так со мной?! — закричал Лянь Уцзю, и у него на глазах выступили слёзы обиды. — Тебе-то какое дело, женюсь я или нет?! Я тебе мешал, что ли?! Зачем нужно было платить этой

девке, чтобы она всё испортила?! Ты не просто меня обманул — ты же опозорил невинную женщину, доктора Ли!

Он мёртвой хваткой вцепился в воротник Су Линцзюня. Гнев переполнял его, требуя выхода. Не помня себя от ярости, лекарь толкнул соперника. Они покатались по полу, сминая мебель. В следующую секунду Уцзю уже оседлал Линцзюня, яростно колотя его кулаками куда попало.

Су Линцзюнь принял несколько ударов, терпя боль, но когда понял, что безумный лекарь и не думает останавливаться, его собственное терпение лопнуло. Резким рывком он поднялся, перехватил запястья Ляня Уцзю и заорал ему прямо в лицо:

— Да я же ради тебя старался, дубина ты стоеросовая! Что ты вообще смыслишь в женщинах?! У самого молоко на губах не обсохло, а туда же — жениться он вздумал! И ничей позор я не устраивал! Думаешь, этой твоей докторше есть дело до какого-то там честного имени? Да на ней клейма ставить негде, она из той же породы, что и Хунъянь! Женился бы на ней — по миру бы пошёл! Да она бы тебе рога наставляла каждый божий день! Кому бы ты тогда плакался, а?!

— Не твоё собачье дело! — Лянь Уцзю отчаянно вырывался, пытаясь достать противника кулаком. — Ты её даже не знаешь! С чего ты взял, что имеешь право судить?! Ну и пусть бы наставляла, пусть бы я позорился — тебе-то что за печаль?!

Они снова сцепились, катаясь по полу в яростной схватке. Забыв о всяком приличии, они безжалостно тузили друг друга, обмениваясь увесистыми пинками и зуботычинами.

— Ах вот как?! Тебе на свой позор плевать, а об учителе ты подумал?! О старших братьях своих?! Люди же над ними смеяться будут! И меня заодно грязью обольют, раз я с таким дураком знаюсь!

Услышав об учителе, Лянь Уцзю на секунду замер. Пыл его немного угас, но он всё ещё выглядел упрямо обиженным.

— Если бы я любил её и заботился о ней, она бы никогда так не поступила... — глухо пробормотал он.

Су Линцзюнь воспользовался заминкой и несильно съездил ему по физиономии:

— Да очнись ты наконец! Мне и спрашивать не надо, чтобы понять — не нравишься ты ей! И дело не в том, что ты плох. Просто ты не в её вкусе, понимаешь? Совсем не в её вкусе!

Лянь Уцзю отпрянул, зажав ушибленную щеку. Он посмотрел на него ледяным взглядом.

— Ну конечно. Значит, такие, как ты, в её вкусе? Как та девица Хунъянь... Она ведь тоже пела, что без ума от тебя.

— Я... я вовсе не это имел в виду... — Су Линцзюнь тяжело вздохнул и бессильно опустил плечи.

— Хватит, молчи, — Лянь Уцзю отвернулся. Из его голоса исчезла злость, уступив место беспросветной тоске. — Я знаю, что никому не нужен. Знаю, что не нравлюсь барышням. Но я буду ждать. Буду ждать ту, которой придётся по душе — пусть невзрачную, пусть любую. Главное, чтобы она полюбила меня, а уж я сделаю всё, чтобы она была счастлива...

Он выглядел до того потерянным, словно ребёнок, заблудившийся в глухом ночном лесу и тщетно ищущий тропинку к дому.

— А если... если такая никогда не встретится? — тихо, с какой-то скрытой горечью спросил Су Линцзюнь.

— Значит, судьба у меня такая, — бесцветным голосом ответил лекарь.

Он медленно поднялся на ноги, оставив Линцзюня лежать на полу, и подошёл к окну, уставившись невидящим взором на улицу.

Су Линцзюнь поднялся вслед за ним, отряхнул одежду и негромко произнёс:

— Судьба — это пустой звук. Человек сам строит свою жизнь. Все эти пророчества — глупые сказки.

Лянь Уцзю горько усмехнулся:

— Если бы... Мой учитель... Он очень стар, но не смей недооценивать его мудрость. Он подобрал меня совсем крохой, когда родителей не стало. Он заменил мне отца и мать. Когда мне исполнилось восемнадцать, он открыл мне мою судьбу: звёзды сулили мне вечное одиночество. Ни одна душа не должна была пройти со мной жизненный путь до конца. Но затем всё изменилось. Учитель отправил меня в мир людей, потому что на моём небосклоне внезапно возшла звезда любви. В ту пору я был глуп и совсем не понимал, что значит делить жизнь с женщиной. Но учитель... он радовался больше меня самого. Ему так хочется увидеть мою свадьбу, убедиться, что я не останусь один на этом свете. Иначе его душа никогда не обретёт покой. Мой учитель — святой человек, он давно отринул мирские страсти, а я... я обычный смертный. Мне бывало безумно одиноко и тоскливо на нашей горе. Я рвался сюда, в этот шумный, яркий мир. И мысль о том, что мне суждено провести век в одиночестве, душит меня. Я не могу радоваться такой доле, как бы ни пытался себя убедить в обратном. Да, я ещё никого по-настоящему не любил. Но если найдётся та, что согласится разделить со мной судьбу, я не стану привередничать. Лишь бы учитель был спокоен. И кто знает... вдруг она и окажется той самой, предначертанной мне звездой?

Су Линцзюнь промолчал, не зная, что ответить. Лянь Уцзю медленно прошёл мимо него и направился к выходу из чайного дома.

Линцзюнь вострепнулся и бросился вдогонку. Нагнав лекаря на улице, он негромко спросил:

— А почему ты думаешь только о женщинах? Что, если предначертанный тебе человек — мужчина?

Лянь Уцзю опешил. Он остановился, озадаченно глядя на спутника, словно всерьёз взвешивая его слова, и наконец спросил:

— Мужчина?... И кого же ты имеешь в виду?

Су Линцзюнь поперхнулся воздухом. Он никак не ожидал такой прямоты. Ему показалось, что в его взгляде промелькнула смутная догадка... или подозрение.

— Да откуда мне знать?! — в панике закричал он, заливаясь краской. — Сам думай, кто тебе мил!

Лянь Уцзю мягко и печально улыбнулся.

— Значит, никого. Никто мне на ум не приходит.

— Сейчас не приходит, так потом придёт! — не унимался Су Линцзюнь.

— И ради кого же мне тогда стараться? Завоевывать чьё-то сердце?

— Да ну тебя! Вечно ты засыпаешь вопросами! — вспыхнул Линцзюнь, отворачиваясь.

Глядя на его напускное раздражение, Лянь Уцзю впервые за день искренне рассмеялся. Он посмотрел на него с теплотой, скользнув взглядом по наливающемуся синяку на щеке товарища.

— Прости меня. Я действительно погорячился.

Такой скорый и искренний извинительный жест застал Су Линцзюня врасплох. Он неловко переступил с ноги на ногу и пробурчал:

— Да ладно... Я ведь тоже тебе съездил. Считаю, квиты.

Лянь Уцзю принялся рыться в многочисленных складках своих одежд и наконец извлёк на свет небольшой нефритовый флакончик. Он протянул его другу.

— На, помажь. Сразу полегчает.

Су Линцзюнь взял флакон, откупорил его и выдавил немного пахучей мази на пальцы. Вместо того чтобы заняться своей щекой, он бесцеремонно притянул лекаря за затылок к себе:

— Не вертись. На твоё лицо сейчас без слёз не взглянешь.

Пальцы Су Линцзюня были огрубелыми от оружия, а прикосновения поначалу казались резкими и неловкими. Лянь Уцзю тихонько шипел от боли, но безропотно терпел. Однако постепенно прикосновения к ушибленной коже становились всё мягче, бережнее, словно Линцзюнь боялся причинить ему лишнее страдание. Лекарь удивлённо посмотрел на него.

Су Линцзюнь с предельной сосредоточенностью обрабатывал его рану. Он так бережно втирал мазь, скользя пальцами по его щеке, что казался отрешённым от всего мира. В этой сосредоточенности сквозила такая непривычная нежность, что у Ляня Уцзю внезапно перехватило дыхание, и он почувствовал, как к горлу подступил тёплый, щемящий ком смущения. Он поспешно отвёл взгляд, чувствуя, как он краснеет до самых ушей.

— Говорю же, не вертись, — пригрозил Линцзюнь, заметив его замешательство.

— Хорошо-хорошо, — послушно отозвался лекарь и замер, уставившись куда-то в пространство, лишь бы не смотреть другу в глаза.

Когда флакон опустел наполовину, Су Линцзюнь аккуратно заткнул его пробкой. Уцзю всё ещё пребывал в глубокой задумчивости.

— Эй, ты там не уснул часом? — Линцзюнь легонько потряс его за плечо. — С лицом закончили. А как же ушибы на теле? Может, вернёмся в лавку, перевяжем как следует?

— Не надо! — испуганно вскинулся Лянь Уцзю, вырываясь из его рук. — Там пустяки, само заживёт. А мазь оставь себе, тебе нужнее!

Он резко развернулся и зашагал прочь по улице, почти сбегая от неловкого момента.

Су Линцзюнь остался стоять на месте. Глядя вслед стремительно удаляющейся фигуре друга, он растерянно покрутил в руках целебное снадобье и обиженно пробурчал под нос:

— Ну вот... Я-то его полечил, а обо мне кто позаботится?..